

*В. А. Гуторов**

**О НЕКОТОРЫХ ТЕНДЕНЦИЯХ ДИСКУРСИВНОЙ
ЭВОЛЮЦИИ НОВЕЙШЕЙ ЗАРУБЕЖНОЙ ЛЕНИНИАНЫ:
КРИТИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ****

Предпринятая в статье попытка анализа некоторых ключевых проблем современного дискурса ленинизма приводит к выводу, который представляется далеко не самым оптимистичным: теоретические дискуссии вокруг наследия В. И. Ленина по-прежнему носят отпечаток давних ожесточенных идеологических споров внутри социалистического движения, с одной стороны, и дебатов между сторонниками и противниками социализма, с другой. Результаты этих дискуссий свидетельствуют о том, что сама по себе идея социализма нередко приобретает характер некоего абстрактного критерия, далеко не всегда определяемого в философском и научном плане. Особенность новейших дебатов, отличающих их от идейных баталий второй половины XX века, состоит в том, что и академические ученые, и публицисты довольно часто склонны предельно интенсифицировать свои теоретические позиции и идеологические предпочтения, даже не пытаясь продемонстрировать толерантность и достигать взаимоприемлемых компромиссов.

Ключевые слова: марксизм, ленинизм, социализм, посткоммунизм, диктатура, демократия, идеологи, дискурс.

V. A. Gutorov

*ON SOME TRENDS IN THE DISCURSIVE EVOLUTION
OF THE LATEST FOREIGN LENINIANA: CRITICAL NOTES*

The attempt made in the article to analyze some key problems of the modern discourse of Leninism leads to a conclusion that seems far from the most optimistic: theoretical discussions around the V. I. Lenin's legacy continue to bear the imprint of long-standing bitter ideological disputes within the socialist movement, on the one hand, and debates between supporters

* Гуторов Владимир Александрович, доктор философских наук, профессор, ведущий кафедрой теории и философии политики факультета политологии СПбГУ, Русская христианская гуманитарная академия; gut-50@mail.ru

** Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-011-43076 «Ленинизм и ленинский миф как основа советской идеократии».

and opponents of socialism, on the other. The results of these discussions indicate that the very idea of socialism often takes on the character of an abstract criterion, which is far from always definable in philosophical and scientific terms. The peculiarity of the latest debates, which distinguishes them from the ideological battles of the second half of the twentieth century, is that both academic scientists and publicists quite often tend to extremely intensify their theoretical positions and ideological preferences, without even trying to demonstrate tolerance and reach mutually acceptable compromises.

Keywords: Marxism, Leninism, socialism, post-communism, dictatorship, democracy, ideologists, discourse.

Если попытаться в наши дни предельно кратко охарактеризовать главные характерные черты интерпретации ленинизма, то можно выделить две вполне определенные тенденции. С одной стороны, идейное наследие В. И. Ленина по-прежнему воспринимается в рамках сформировавшейся в послевоенный период и ставшей уже давно архаичной парадигмы тоталитаризма, адепты которой пытаются придать понятию «тоталитаризм» предельно универсальный и «вездесущий» смысл. Другая тенденция примечательна тем, что ее сторонники явно руководствуются стремлением выявлять актуальные инновационные ресурсы ленинской политической теории для анализа современных кризисных реалий и противоречий, в равной мере свойственных как западным либеральным демократиям, так и развивающимся странам, к которым в настоящее время принадлежит и большинство так называемых посткоммунистических демократий. Примечательно, что одной из основных причин постепенного отхода интеллектуалов в странах Центральной и Восточной Европы от «тоталитарной матрицы» и поворота в направлении поисков новых идейных ориентиров стало повсеместное разочарование в неолиберальных институтах и практиках. Еще в 1999 г. Шари Коэн в получившей широкую известность книге «Политика без прошлого. Отсутствие истории в посткоммунистическом национализме» выделил ряд «проблематичных зон», способствовавших такому повороту:

И через десять лет после падения берлинской стены сюжетная линия перехода от коммунизма в Восточной Европе и бывшем Советском Союзе остается смутной и головоломной. Характеры драмы сами по себе представляют часть загадки. Бывшие коммунисты стали националистами или, по крайней мере, позаимствовали националистические лозунги. Но они также часто становятся сторонниками свободного рынка. Героические диссиденты, которые в 1989 г. захватывали воображение западного мира, почти исчезли с политической сцены. Иные из них разочаровались и обратились к символике фашистских периодов из прошлого. Партийные ярлыки и идентификации являются зыбкими и имеют мало общего с политическими позициями. Населяющие эти страны люди, которые в 1989 г., как представлялось, были наделены властными полномочиями, остаются циничными и апатичными и с ностальгией обращают взоры к началу 1980-х. Эти возвраты к прошлому выглядят как обломки, лишённые сколько-нибудь определенного значения, поскольку данные общества имеют крайне смутные представления о наиболее важных моментах своей истории. Но подобная картина также плохо соотносится с первоначальными парадигмами, которые были выдвинуты аналитиками, пытавшимися интерпретировать несколько актов посткоммунистической пьесы. История не вернулась из прошлого — ни в виде агрессивного национализма, ни как непрерывное продолжение докоммунистического периода.

Но история и не закончилась: демократические институты и либеральные идеологии, позаимствованные извне, не подталкивали эти общества в направлении либеральной демократии. Наблюдатели были введены в заблуждение демократическими и националистическими костюмами и масками, за которыми скрывалась более важная реальность [21, р. 2].

Основная особенность новейших дебатов, отличающих их от идейных баталий второй половины XX века, на наш взгляд, состоит в том, что и академические ученые, и публицисты, представляющие обозначенные выше тенденции, довольно часто склонны предельно интенсифицировать свои теоретические позиции и идеологические предпочтения, даже не пытаясь продемонстрировать толерантность и достигать взаимоприемлемых компромиссов. Так, например, Ф. Х. Лосантос, радиоведущий и эксперт праворадикального толка в своем предисловии к новейшему испанскому переводу книги «Ленин — изобретатель тоталитаризма», написанной французским историком Стефаном Куртуа, профессором Католического института высших исследований в Ла-Рош-сюр-Йон, весьма прямолинейно утверждает:

Эта биография Ленина, которая также является первой несанкционированной биографией тоталитаризма, не может быть более актуальной, более необходимой и в то же время более грустной, если мы посмотрим на то, что происходит во всем мире, и особенно в Испании. Тоталитаризм, который является современной и разрушительной формой диктатуры над всеми аспектами общественной и частной жизни, над телом и разумом, над словарным запасом и поведением, распространен более широко, чем когда-либо, но не из-за нездоровой демократизации или повсеместного распространения деспотического популизма; глобальные метастазы тоталитарного рака, ужасающе распространяющиеся через Интернет и социальные сети, выходят за рамки межплеменного запугивания. Во многих отношениях он неотделим от сверхживучести ленинизма и от сокрытия его тоталитарного характера. Другими словами, ленинизм заключается в культурных препятствиях и запретах по политическим причинам, в убийствах граждан и очернении идей и людей... во впечатляющих циклических движениях мнений, которые некоторые СМИ превратили в судей, адвокатов, прокуроров... [22, р. 7].

Напротив, в своей работе «Ленин жив! Переосмысление русской революции. 1917–2017», британский политолог Филип Канлифф отмечает:

Сто лет спустя после русской революции, которая должна была смести капитализм, глобальный капитализм остается нетронутым и неоспоримым. СССР, государство, основанное русской революцией, лежит на свалке истории. Поражение русской революции развеяло надежды на революционные социальные преобразования посредством захвата государственной власти. Оно положило конец мечтам о радикально лучшем мире, в котором устранены социальные разделения и всякое угнетение. Ее поражение обнажило тщетность стремления человечества изменить общество и сознательно формировать свою судьбу... И все же, как ни странно, эпический триумф капитализма оставил нам лишь ограниченное представление о его многочисленных преимуществах и достижениях. Чудеса массового потребления продолжают рутинно бранить как грубый материализм. Экономический рост и индустриализация рассматриваются как грубые полярирующие и разрушительные по своей природе. Чудесная синергия глобальной урбанизации рассматривает-

ся как марш трущоб и убожества или, для разнообразия, как распространение провинциальной низости существования. Бесконечные чудеса промышленного сельского хозяйства считаются ядовитыми и разрушительными, в то время как постоянные улучшения в сфере коммуникации воспринимаются как отчуждающие и навязчивые... Мы съезживаемся перед перспективой планетарной катастрофы и экологического коллапса. Нас мучает каждое новое научное открытие и возможность большего контроля, который оно порождает. Мы живем в коллективном страхе перед чудесами ядерной энергетики и болезненно поглощены фантазией о том, что однажды наши собственные творения могут доминировать над нами, когда роботы возьмут верх, а компьютеры начнут осознавать себя. Учитывая все это, простительным выглядит желание понять — а не было ли разрушено что-нибудь еще вместе с поражением русской революции [23, p. 5].

В новейшем коллективном справочнике, посвященном анализу ленинской политической философии, один из его редакторов, известный американский философ Том Рокмор предельно рельефно выделил основные моменты, связанные именно с персональным фактором, сыгравшим решающую роль в практической реализации альтернативы глобальному капитализму в начале XX века и формировании исторически непреходящего феномена, который он определяет как марксизм во власти (*marxism in power*):

Ленин явно был, если использовать гегелевский термин, всемирно-исторической индивидуальной личностью, цель которой, согласно Гегелю, состоит в реализации истории, хотя, возможно, и не в той перспективе, которую этот индивид вынашивал в своем уме. Такими фигурами были Александр Великий, Юлий Цезарь и Чингисхан [36, p. 4].

Как всемирно-историческая личность Ленин достоин внимательного изучения — как того, что он сделал, так и того, что он не смог сделать в своих стремлениях к революционным изменениям в России. Ленинские идеи необходимо понять в их глубинных основаниях, в том числе и в силу их огромного (пусть даже косвенного) влияния на формирование Китайской Народной Республики в том ее виде, в котором она существует сегодня.

Период «невидимости» Ленина длился с 1991 по 2008 годы, когда интерес к марксизму (и, возможно, к его центральной фигуре, Ленину) был возрожден в результате мирового финансового кризиса, распространения неравенства, признания причинных факторов воздействия глобального капитализма и продолжения национально-освободительных движений. Хотя капитализм не упал на колени, в этот период он определенно пошатнулся. Почти свершившийся коллапс Уолл-стрит и последовавший за ним мировой экономический кризис, который... все еще не преодолен, имели два непосредственных последствия: возрождение интереса к Марксу, Ленину и другим связанным друг с другом фигурам марксистской галактики и скромные почины в области новой монографической литературы [36, p. 5; см. также: 34, p. 15 sq.; 35, p. 17–18; 27, p. 14 sq.; 31, p. XI–XVII].

В настоящее время вполне можно констатировать, что обозначенные Т. Рокмором «скромные почины» в области марксистско-ленинских штудий грозят превратиться чуть ли не в бурлящий поток. В данной небольшой статье возможно выделить лишь несколько, на наш взгляд, существенных моментов,

которые способствовали и продолжают оказывать воздействие на формирование этой тенденции, которая частично уже анализировалась в других наших работах [см.: 2, 6, 7, 9, 10]. Речь идет, прежде всего, о соотношении научных и идеологических элементов, содержащихся в многообразных интерпретациях как самого феномена ленинизма, так того реального социально-экономического строя, который возник в России после 1917 г. Например, и сегодня многие аналитики, отрицая «историческую самодостаточность» российского коммунистического проекта, по-прежнему склонны довольно энергично поддерживать уже давно сформировавшуюся гипотезу, в соответствии с которой идея «реального социализма» является мифом, а возникший в СССР экономический уклад вполне может рассматриваться в качестве одной из многочисленных форм государственного капитализма [38, р. 203; см. также: 32, р. 2–4, 283–290; 20; 19].

Отвергнуть обозначенную выше гипотезу «с порога», конечно, невозможно, поскольку нельзя отрицать, что и классический марксизм, и его ленинская версия включали в себя как чисто идеологические, так и научные элементы. В этом смысле они ничем не отличаются от других развитых современных идеологий.

Для марксистской традиции того времени характерно было то, что все политические вопросы приходилось решать не только на практическом, но и на теоретическом уровне. Считалось, что политическая эффективность марксизма напрямую связана с его научной строгостью. Утверждение Ленина о том, что «марксистское учение всесильно, потому что оно верно», было не просто пустой фразой, а широко распространенным убеждением. Казалось, только марксизм может дать ответ на вопросы, поставленные историей. Как указано в «Коммунистическом манифесте», «коммунисты, таким образом, являются, с одной стороны, практически наиболее передовой и решительной частью партий рабочего класса каждой страны, той частью, которая толкает вперед всех остальных; с другой стороны, теоретически они имеют преимущество перед огромной массой пролетариата в том, что они ясно понимают линию движения, условия и конечные общие результаты пролетарского движения» [18, р. 48].

В этом плане ленинская концепция социализма, разумеется, была теоретической конструкцией, заимствованной из предшествующей марксистской литературы, начиная с «Манифеста коммунистической партии». В плоскости теории она была производной от разработанной Марксом и Энгельсом концепции диктатуры пролетариата, которые, в свою очередь, заимствовали многие ее элементы из более ранних коммунистических утопических идей — прежде всего, идей Г. Бабёфа, опиравшегося на опыт якобинской диктатуры 1793–1794 гг.

Связь с якобинской традицией Ленин и большевики не только отчетливо осознавали, но и всячески подчеркивали в теоретическом и практическом плане. В этом плане они были далеко не одиноки. Например, Карл Полаanyi не случайно рассматривал советский эксперимент «как последний импульс Французской революции в самой отсталой стране Европы» [37, р. 31]. Именно фактор отсталости постоянно придавал большевистским проектам и практикам социалистического переустройства России ярко выраженный утопический характер. Так, анализируя противоречия социальной философии Полаanyi, Клаус Томасбергер отмечает:

Ощущение, что фундаментальные изменения необходимы, потому что западные общества зашли в тупик, является фоном, на котором сегодня так важна критика либеральной политической экономики в целом и вклад Поланьи в эту критику в частности. Вопрос о тупике, который привел к краху либеральной цивилизации XIX века, находится в центре творчества Поланьи... Менее понятны причины, по которым Поланьи критикует экономический либерализм как утопическое кредо. В основе большинства неверных интерпретаций его аргументации лежит обычное позитивистское предположение о том, что утопия и достижимость взаимно исключают друг друга. Предполагается, что существуют только две альтернативы: либо видение достижимо и, следовательно, не утопично, либо видение утопично и, следовательно, недостижимо. В первом случае экономический либерализм рассматривается как вполне корректная картина, отражающая губительные факты. Во втором случае экономический либерализм подвергается критике как неправильное прочтение социальной реальности. Согласно первой интерпретации, критика Поланьи направлена против самого рыночного общества; согласно второй — она направлена против либеральной теории. Кажется, что и та, и другая не могут быть истинными одновременно. Ни одна из этих двух интерпретаций не соответствует анализу Поланьи. В его понимании соответствующие социальные явления происходят в пространстве, в котором две возможности перекрываются: даже если цель оказывается недостижимой, она может быть опробована на практике. Попытка является реальной. Именно последний аспект отличает утопии от чистых социальных фантазий. Подобно идеалу, актуальная утопия, как выразился Гуннар Мюрдал, «является живой силой в нашем обществе и, следовательно, является частью социальной реальности... Стремления людей действительно являются одним из важнейших социальных фактов и во многом определяют ход истории». Мы должны добавить: именно поэтому утопические проекты опасны. Если верно, что утопии являются реальной социальной силой, даже если цели выходят за рамки человеческих условий, результаты неизбежно расходятся с целями их сторонников. История Западной Европы, а также история Советского Союза показывают, что попытки реализовать самые позитивные социальные намерения могут в действительности обладать свойством производить самые фатальные и бесчеловечные последствия. Аргумент Поланьи в пользу реализма основан на этом понимании. Попытка реализовать либеральную утопию была движущей силой цивилизации XIX века. Без утопического проекта рыночного общества не существовало бы. Конечно, сторонники экономического либерализма никогда не намеревались вызвать две Мировые войны, Великую депрессию или фашизм. Тем не менее это были результаты, которых на самом деле достигла попытка создать рыночное общество. Несомненно, экономический либерализм был самой актуальной реальной утопией последних столетий. Он решительно формировал трансформацию Запада, начиная с эпохи промышленной революции. Все мы знаем результаты [37, p. 52, 54–55; см. также: 26, p. 70–72; 25, p. 65–78; 15, p. 7–64].

Хорошо известно, что практическая попытка реализации социалистической утопии в советской России, помимо огромных человеческих жертв и страданий (вполне сравнимых с эпохой первоначального накопления, яркая картина которого была обрисована Марксом в первом томе «Капитала»), на самом своем раннем этапе в эпохи «военного коммунизма» и сталинской индустриализации и коллективизации имела одним из своих наиболее примечательных следствий предельную мифологизацию политического дискурса.

В основе мифологической картины «рождения нового мира» лежали два идеологических конструкта — мифы о «ведущей роли пролетариата» и «очистительном революционном терроре». Одна из последних довольно примечательных попыток представить развернутую аргументацию, направленную на отрицание существования в СССР «коммунистической формации» и самой дихотомии «капитализм/коммунизм» в качестве исторических реалий, встречается в эссе Б. Г. Капустина под характерным названием «Народ при отсутствии народа, или Взгляд на посткоммунизм снизу»:

Визуализация посткоммунистической трансформации как перехода от плана к рынку или от тоталитаризма к демократии означает попытку сыграть в гипостазирующую игру, в которой абстрактные понятия объективируются и получают независимое существование... Несмотря на постоянные трудности с обеспечением четкого социологического описания доминирующего класса СССР, известного как *номенклатура*, нет сомнений в том, что политическая экономия советского общества была основана на отчуждении этим классом прибавочного продукта, производимого трудящимися. Он также был организован вокруг накопления капитала и воспроизводил основные формы неравенства и подчинения, характерные для капиталистических обществ. В то же время многие советские методы контроля над трудом были более грубыми и менее эффективными, чем те, которые типичны для «нормального» капитализма, не говоря уже о варварском угнетении крестьянства и его принудительной «кабальной службе» (смягченной только в 1974 г., когда колхозникам были выданы внутренние паспорта).

Капустин продолжает:

Мы также не можем сомневаться в том, что значительная часть национального продукта существовала и находилась в обращении в товарной форме; и этот труд в основном был наемным и проявлял все признаки «отчуждения» и подчинения капиталу как «ранее накопленный труд», как его описывал Маркс применительно к «классическому капитализму».

Философ приходит к выводу о том, что «СССР был капиталистическим или государственно-капиталистическим обществом (несмотря на свою “идеологию” или, возможно, даже благодаря ей), и, следовательно, в постсоветский период не могло быть никаких капиталистических преобразований». Логика аргументации Капустина проста:

Мы можем говорить только о естественном колебании маятника от одного способа накопления капитала к другому, от государственного капитализма к (в основном) частному капитализму, а не об эпохальном сдвиге. «Двойственность» советского общества проистекает из сочетания угнетения и «наследия Октября» (Октябрьской революции), которое власти никогда не сводили только к ритуальной легитимации статус-кво. Рабочий класс никогда не был «гегемоном» или «ведущей силой», но его «социалистическое первородство» выглядело как нечто большее, чем просто циничный образ речи, используемый его угнетателями. Посткоммунистическая трансформация была проектом, направленным на устранение двойственности советского общества путем уничтожения «наследия Октября». Решающий урон ее легитимизирующей роли был нанесен в период перестройки. Набор новых идеологических конструкций, таких как «демократия», «общечело-

веческие ценности» и «вступление в общеевропейский дом», вытеснили «наследие Октября» как основы легитимности правящих элит. Приватизация «народной собственности» создала «экспроприированный пролетариат» в собственном смысле этого слова и как абстракцию «персонификации рабочей силы», с одной стороны, и хозяев, олицетворяющих капитал, с другой [30, р. 25, 26, 13–14, 27, 28, 29].

Трактовка Б. Г. Капустиним советской мифологемы «гегемонии пролетариата», на наш взгляд, сохраняет преемственность с аналитикой марксизма Н. А. Бердяева, отмечавшего, что «в русской коммунистической революции господствовал не эмпирический пролетариат, а идея пролетариата, миф о пролетариате» [1, с. 294]. Многообразные квазинаучные версии о «фундаментальном расхождении» в представлениях Ленина и Сталина о путях и методах перехода к социализму можно также относить к разряду мифических образов, активно эксплуатируемых в период хрущевской «оттепели» и брежневской эпохи строительства «развитого социализма».

На наш взгляд, вполне адекватной в этом плане является трактовка недавно переведенной на русский язык книги немецкого философа Михаэля Бри «Открыть Ленина заново. Голубая лента на диалектике революции и метафизике господства»^{*}. В заключительная четвертой главе своей работы, имеющей название «Тот, кто говорит о сталинизме, не может молчать о ленинизме», М. Бри формулирует несколько важных, хотя и не лишенных противоречий идей, вполне созвучных охарактеризованным выше оценкам мифа о «диктатуре пролетариата» и критическим замечаниям в адрес концепции К. Поланьи:

Когда в декабре 1989 г. реформ-социалист и философ Михаэль Шуман вышел с рефератом рабочей группы по подготовке внеочередного партсъезда СЕПГ, коммунистической государственной партии ГДР, на трибуну Съезда, суть дела он сформулировал одним известным предложением: «Мы бесповоротно разрываем со сталинизмом как системой». Однако то, что затем описывалось, не было особенными характеристиками сталинизма, но теми структурами, которые после Октября 1917-го постепенно утвердились сначала в Советской России, а затем в тех странах, в которых к власти пришли коммунистические государственные партии. При этом Шуман сознательно выносил за скобки сам ленинский период. Говорилось о «берущей начало в 20-х годах сталинистской линии (или линиях)». Как и ранее, во время перестройки, многим в тогдашних СЕПГ/ПДС по-прежнему казалось, что реформа социализма будет «возвращением к Ленину». При этом в период правления Ленина, относительно короткий, по сравнению с господством Сталина, длительностью лишь в пять лет, были установлены путевые вехи, отклонений от которых советские власти не допускали — вплоть до крушения советской системы в историческую бездну. Структурный каркас советского общества на протяжении всех этих десятилетий оставался неизменным... Роспуск Учредительного собрания в начале января 1918 г. ... обозначал переход ленинского большевизма от существования лишь как идеи и партии, как она сформировалась с 1903 г., к политической и общественной системе власти. Легитимирующим базисом этой

^{*} Русский переводчик, с нашей точки зрения, придает излишне «онтологический» характер подзаголовку книги, оригинальный смысл которого волне прозрачен [см.: 16]; в английском издании переводчик также устраняет «голубую ленту» и переводит заголовок несколько буквально [см.: 17].

системы выступала провозглашаемая связанность с интересами рабочего класса и с марксизмом как «научным» выражением этих интересов. Однако теперь эти интересы — оформляясь в господство большевистской партии — получают независимое от реальных рабочих и трудящегося населения выражение. Руководство большевистской партии обосновывалось ссылками на рабочих и одновременно делало невозможным их самостоятельное действие. Диктатура пролетариата превратилась в отделенную от воли и действия пролетариев, форму господства над ними [3, с. 151, 153].

Несколько иная судьба ожидала ленинскую концепцию революционного террора, «практическая» сторона которого особенно резко была сформулирована в следующих кратких ленинских директивах и телеграммах:

Необходимо произвести беспощадный массовый террор против кулаков, попов, белогвардейцев. Сомнительных запереть в концентрационный лагерь вне города. Телеграфируйте об исполнении... Жестокости надо осуществлять самым энергичным образом и в самый кратчайший срок. Мы должны именно теперь дать самое решительное и беспощадное сражение черносотенному духовенству и подавить его. Чем большее число представителей реакционного духовенства и реакционной буржуазии удастся по этому поводу расстрелять, тем лучше... и т. п. [цит. по: 13, с. 145–147].

В современной исторической литературе уже давно сформировалось направление, которое вполне можно назвать «исторической компаративистикой террора». Например, в своих беседах с Д. А. Холлом, опубликованных в 2011 г., М. Манн доказывал, что ценой «ужасных злодеяний», особенно сильно затронувших «крестьян в ходе принудительной коллективизации Сталина и Великого скачка Мао», оба режима не только доказали успешность моделей государственного социализма, но и «по крайней мере учились не совершать такого впредь, а Вьетнаму удалось достичь роста без массовых репрессий» [11, с. 28]. Еще раньше Баррингтон Мур применил для характеристики французского революционного террора способ анализа, довольно близкий к методологии М. Манна. Он отмечал:

Опыт террора и в целом Французской революции дал сильный импульс влиятельному течению западной политической мысли, которая отвергает любые формы политического насилия. Сегодня многие образованные люди, похоже, все еще считают террор демоническим выплеском массового насилия, неразборчивого в выборе жертв, а затем и выражением слепой ненависти и экстремизма, даже особой утопической ментальности, лежащей в основе тоталитаризма XX в. Я попытаюсь показать, что эта интерпретация искажена и карикатурна [12, с. 102].

Насилие и террор, сделав буржуазную революцию необратимой, хотя и внесли в дальнейшем элемент нестабильности в формирование политических институтов во Франции,

были в конечном счете благоприятными для развития парламентской демократии. Революция нанесла смертельную рану всему комплексу взаимосвязанных аристократических привилегий: монархии, земельной аристократии, сеньориальным правам, — комплексу, который конституировал существо старого режима. Она

сделала это во имя частной собственности и равенства перед законом. Отрицать, что доминирующее направление и главные последствия революции были буржуазными и капиталистическими, значило бы заниматься тривиальной болтовней [12, с. 106–107].

Террор способствовал тому, что Франция, резко сократив период «догоняющего развития», не только пошла по тому же пути, на который в разное время вступили Великобритания и США, но и смогла избежать итальянского и немецкого опыта фашистских диктатур [12, с. 131]. И. Валлерстайн также рассматривал радикализм Французской революции и наполеоновских войн как последнюю попытку капиталистических сил, «которые базировались во Франции», «сломить надвигающуюся британскую гегемонию» на второй, «меркантилистской» стадии формирования современного мира-экономики [4, с. 47]. Русская революция 1917 г., по его мнению, была началом четвертой стадии. «Эта стадия, несомненно, должна была стать стадией революционных беспорядков, но она одновременно стала, парадоксально на первый взгляд, стадией консолидации мир-экономики промышленного капитализма» [4, с. 51]. С конца XIX в. Россия в результате проникновения иностранного капитала в промышленный сектор стала стремительно утрачивать статус полупериферийной страны, соскальзывая «к периферийному статусу». Радикальная революция и создание СССР, обеспечив народную поддержку пришедшей к власти «группе государственных управленцев», позволили стране в сжатые сроки не только восстановить «свое положение как очень сильного члена полупериферийного сообщества», но и «начать бороться за обретение полноправного статуса в сердцевине» [там же]. В этом СССР опередил Германию, потерпевшую поражение в Первой мировой войне и в дальнейшем уже в форме нацизма предпринявшей неудавшийся «отчаянный рывок», чтобы вновь «обрести уходящую из-под ног почву» и сравняться экономической и политической мощью с США и Британией [2, с. 51–52; см. также: 5, с. 61, 134, 136–137; ср.: 14, р. 33–34; 24, р. 50–51; 28, р. 444, 509; 29, р. 471; 8, с. 30–54].

Такого рода исторические характеристики характеристики прогрессивной роли террора, разумеется, нельзя отождествлять с его апологетикой. Но в определенных контекстах они вполне совпадают с аналогичными позициями самого Ленина и его сторонников, последовательно рассматривавших диктатуру и террор как неизбежные стадии формирования коммунистической формации.

Предпринятая в статье попытка анализа некоторых проблем современного дискурса ленинизма, которые, на наш взгляд, являются ключевыми, приводит к выводу, который представляется далеко не самым оптимистичным: теоретические дискуссии вокруг наследия В. И. Ленина в политологической, социологической и тем более философской литературе по-прежнему носят отпечаток давних ожесточенных идеологических споров внутри социалистического движения, с одной стороны, и дебатов между сторонниками и противниками социализма, с другой. Результаты этих дискуссий свидетельствуют о том, что сама по себе идея социализма нередко приобретает характер некоего абстрактного критерия, далеко не всегда определяемого в философском и научном плане, в соответствии с которым возможно судить о степени интенсивности политических программ и лозунгов, противостоящих новейшим версиям

неолиберальной идеологии и практики. Об этом свидетельствуют и многие заключительные, весьма патетические пассажи книги М. Бри. Например, в конце четвертой главы немецкий философ следующим образом отвечает на поставленный им же самим риторический вопрос:

Но почему коммунисты, всю свою жизнь посвятившие служению идее, были столь бессильны перед ленинской, а затем сталинской партийной диктатурой? Первая из причин этого объясняется в одном из текстов известного социолога Карла Поланьи, который писал в 1939 году: *«Рабочий класс должен выступить за Россию ради социализма. Обе части этого положения равно важны. Выступить за социализм, но не за Россию, значит предать социализм в его единственном существующем воплощении. Выступить же за Россию, не упоминая при этом социализм, также будет предательством социализма, который только и делает значимой борьбу за Россию»* [3, с. 160].

Разумеется, и К. Поланьи, и его комментатору были хорошо известны факты сравнительно недавнего прошлого, когда в самом начале Первой мировой войны социал-демократическая фракция в германском рейхстаге почти единодушно проголосовала на военные кредиты, а дальнейшем немецкие рабочие бесстрашно воевали не за идею социалистической Германии, а за свой имперский фатерланд. Та же самая история повторилась и летом 1941 г., когда нацистская Германия напала как раз на социалистическую Россию. Следовательно, в приведенных выше рассуждениях доминирует не столько стремление объяснить психологию рабочего класса, сколько идеологическая матрица, характеризующая ценностные предпочтения обоих аналитиков. Это подтверждается и следующим заключительным пассажем книги Бри:

Социализм как реальное движение по ту сторону капитализма будет иметь будущее лишь тогда, когда состоится отказ от ленинизма как системы и стратегии, разрыв с тем ленинизмом, при котором это видение оказалось в заточении на более чем семьдесят лет. Демократия и социализм неразделимы; как демократия, так и социализм, равно, являются путем и назначением, средством и целью, формой и содержанием солидарного освобождения. Такое видение социализма еще предстоит претворить в XXI веке [3, с. 164].

Суждения различных ученых и философов, приведенные в начале нашей статьи, на данный момент никак не подтверждают предположение о том, что стремление осуществить «разрыв с ленинизмом» является всеобщим и тем более единодушным. Скорее всего, они являются свидетельством все более глубокого осознания тех простых научных истин, которые в свое время были прекрасно сформулированы в книге Джованни Сартори «К пересмотру теории демократии»:

... Термин демократия имеет не только описательную или обозначающую функцию, но также нормативную и убедительную функцию. То, что часто бывает трудно провести резкое разделение между описанием и предписанием, не умаляет аналитического значения этого различия. То, что день и ночь постепенно переходят друг в друга, не означает, что их различие состоит только в степени или (что еще хуже) что свет и тьма неразделимы. Следовательно, проблема определения

демократии является двойкой, она требует в данном случае дескриптивного и предписывающего определения. Одно не может существовать без другого, и в то же время одно не может быть заменено другим. Таким образом, чтобы не ошибиться, мы должны помнить, что (а) демократический идеал не определяет демократическую реальность, и наоборот, настоящая демократия не является и не может быть такой же, как идеальная; и что (б) демократия является результатом и формируется взаимодействиями между ее идеалами и ее реальностью, силой притяжения со стороны должного и сопротивления со стороны того, что есть... Разграничение между действительным и должным, реальным и идеальным порождает сложности, но также и ликвидирует путаницу. Возьмем, к примеру, утверждение: «Социализм превосходит либеральную демократию». Должно быть очевидно, что для того, чтобы гарантировать эту или, если на то пошло, любую другую сравнительную оценку между режимами, мы должны сопоставлять реальное с реальным и/или идеальное с идеальным. Неправомерным будет сравнивать социализм как идеал с демократией в действительности. На самом деле, это будет мошенничеством. Тем не менее существует общий топос, утверждающий, что коммунистические режимы выше демократии. Но еще более поражает сам факт, насколько легко заблуждение подобного масштаба проходит незамеченным. Поэтому следует подчеркнуть, что ссылка на демократию как таковую требует ссылки на социализм как таковой. И наоборот, если речь идет о социализме как об идеале, то следует делать ссылку на демократию как идеал. В целом, суть состоит в том, что, когда факты сравниваются с фактами или когда факты сравниваются с идеалами, они должны сравниваться одинаково по всем направлениям. Это включает в себя соединение описаний с описаниями, предписаний с предписаниями и сравнение того, насколько хорошо (или плохо) каждый идеал претворяется в соответствующую реальность. Бдительность к различию между действительным и должным немедленно показывает бессмысленность утверждения, что идеал чего-то превосходит реальность чего-то еще [33, р. 8, 12–13].

Представляется, что объективное понимание и осмысление перспектив ленинизма в современном мире возможно только на обозначенной Сартори научной платформе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бердяев Н. Русская идея. — СПб.: Издательский дом «Азбука-классика», 2008.
2. Богатырев Д. К., Гуторов В. А. Наследие Карла Маркса в исторической ретроспекции: к проблеме «парадоксографии» современных дебатов // Вестник русской христианской гуманитарной академии. — 2021. — Т. 22. — № 1. — С. 20–41.
3. Бри М. Открыть Ленина снова. Диалектика революции vs. Метафизика господства. — М.: RLS (Moskau), Издательство «Логос», 2017. — 192 с.
4. Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. — СПб.: Университетская книга, 2001.
5. Валлерстайн И. Мир-система Модерна. — М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2016. — Том III. Вторая эпоха великой экспансии капиталистического мира-экономики, 1730–1840-е годы.
6. Гуторов В. А. Биовласть и политическое: актуальные аспекты современных дискуссий // Власть и элиты. — 2021. — Т. 8. — № 2. — С. 189–201.

7. Гуторов В. А. Пост-правда и неолиберализм как факторы кризиса гуманистической традиции и образования: о некоторых дискурсивных аспектах современных теоретических дискуссий // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. — 2021. — Т. 17. — № 3. — С. 238–255.

8. Гуторов В. А., Ширинянц А. А. Терроризм как теоретическая и историческая проблема: некоторые аспекты интерпретации // Полис. Политические исследования. — 2017. — № 3. — С. 30–54.

9. Гуторов В. А., Ширинянц А. А. О новом «историческом прочтении» либеральной традиции // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. — 2021. — Выпуск 74. — С. 398–406.

10. Гуторов В. А., Ширинянц А. А. Интерпретации коммунизма и посткоммунистических трансформаций в России: современные теоретические дискуссии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. — 2021. — Т. 23. — № 4. — С. 525–544.

11. Манн М. Власть в XXI столетии: беседы с Джоном А. Холлом. — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014.

12. Мур Б. Социальные истоки диктатуры и демократии: Роль помещика и крестьянина в создании современного мира. — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016.

13. Решетников Л. П. Вернуться в Россию. Изд. 3-е, испр. — М.: Издательство «Отчий дом», 2019.

14. Ali T. The Dilemmas of Lenin: Terrorism, War, Empire, Love, Revolution. — L.; N. Y.: Verso, 2017. — 384 p.

15. Brie M. For an Alliance of Liberal Socialists and Libertarian Commonists: Nancy Fraser and Karl Polanyi — A Possible Dialogue // Karl Polanyi in Dialogue: A Socialist Thinker for Our Times. Michael Brie (ed.). — Montreal; N. Y.; L.: Black Rose Books, 2017. — P. 7–64.

16. Brie M. Lenin neu entdecken. Das hellblaue Bandchen zur Dialektik der Revolution & Metaphysik der Herrschaft. — Hamburg: VSA Verlag, 2017.

17. Brie M. Rediscovering Lenin: Dialectics of Revolution and Metaphysics of Domination. — Cham, Switzerland: Palgrave Macmillan, 2019.

18. Brie M., Schüttrumpf J. Rosa Luxemburg: A Revolutionary Marxist at the Limits of Marxism. — Cham, Switzerland: Palgrave Macmillan, 2021.

19. Buchwalter A. Hegel and Capitalism. — Albany: Suny Press, 2015.

20. Coffey D., Thornley C. Globalization and Varieties of Capitalism. New Labor, Economic Policy and the Abject State. — N. Y.: Palgrave Macmillan, 2009.

21. Cohen Sh. J. Politics without Past. The Absence of History in Postcommunist Nationalism. — Durham; London: Duke University Press, 1999.

22. Courtois S. Lenin, el inventor del totalitarismo. Traducción: Julia Escobar. — Madrid: La Esfera de los libros, 2021.

23. Cunliffe Ph. Lenin Lives! Reimagining the Russian Revolution. 1917–2017. — Winchester, UK: Washington, US, 2017.

24. Eagleton T. Holy Terror. — Oxford; N. Y.: Oxford University Press, 2005.

25. Frazer N. A Triple Movement? Parsing the Politics of Crisis after Polanyi // Karl Polanyi in Dialogue: A Socialist Thinker for Our Times. Michael Brie (ed.). — Montreal; N. Y.; L.: Black Rose Books, 2017. P. 65–78.

26. Frazer N. Why Two Karls Are Better Than One: Integrating Polanyi and Marx in a Critical Theory of the Current Crisis. Michael Brie, Claus Thomasberger (eds.). — Montreal; N. Y.; Chicago; L.: Black Rose Books, 2018. — P. 67–76.

27. Hochuli A., Hoare G., Cunliffe Ph. *The End of the End of History: Politics in the Twenty-First Century*. — Winchester UK; Washington: Zero Books, 2021.
28. Jameson F. *The Ideologies of Theory*. — L.; N. Y.: Verso, 2008.
29. Jameson F. *Valences of the Dialectic*. — L.; N. Y.: Verso, 2009.
30. Kapustin B. *A People in the Absence of the People, or a View of Postcommunism from Below // The Social History of Post-Communist Russia*. Edited by Piotr Dutkiewicz, Richard Sakwa, Vladimir Kulikov. — London; New York: Routledge, 2016. — P. 11–40.
31. *Learning with Lenin: Selected Works on Education and Revolution*. Ed. by Derek R. Ford, Curry Malott. — Charlotte, NC: Information Age Publishing, Inc., 2019.
32. Musacchio A., Lazzarini S. G. *Reinventing State Capitalism. Leviathan in Business, Brazil and Beyond*. — Cambridge, Massachusetts; L.: Harvard University Press, 2014.
33. Sartori G. *The Theory of Democracy Revisited*. — Chatham, New Jersey: Chatham House Publishers, Inc., 1987.
34. Sebestyen V. *Revolution 1989: The Fall of the Soviet Empire*. — L.: Orion, 2009.
35. Sebestyen V. *Lenin, the Man, the Dictator, and the Master of Terror*. — N. Y.: Pantheon Books, 2017.
36. *The Palgrave Handbook of Leninist of Leninist Political Philosophy / Ed. by Tom Rockmore, Norman Levin*. — L.: Palgrave Macmillan, 2018.
37. Thomasberger C. *Freedom, Responsibility and the Recognition of the Reality of Society // Karl Polanyi's Vision of a Socialist Transformation*. Michael Brie, Claus Thomasberger (eds.). — Montreal; N. Y.; Chicago; L.: Black Rose Books, 2018. P. 52–66.
38. Zimmermann J., Werner J. R. *Regulating Capitalism? The Evolution of Transnational Accounting Governance*. — N. Y.: Palgrave Macmillan, 2013. — 253 p.